

— А потом злодеев забрали злые дяди полицейские! — голос малыша звенел, не умолкая ни на секунду. Раньше Су Чи считал бы это шумным и раздражающим, но сейчас он чувствовал лишь покой и умиротворение. Возможно, всё дело было в том, кто именно это говорил, поэтому и ощущения были совершенно иными. Солнечный свет пробивался сквозь щель в шторах, освещая ребенка, отчего казалось, будто он сам светится изнутри. Это было мягкое сияние, которое не слепило глаза и не обжигало. Глядя на то, как малыш радостно улыбается, Су Чи невольно тронул губы в ответной улыбке. С тех пор как не стало мамы, он еще никогда не чувствовал себя так спокойно.

Рядом Цзи Шиань с недовольным видом нарезал яблоко и протянул кусочек Цзи Иньланю, заботливо воткнув в него маленькую вилочку:

— Лань-цзай, будешь яблоко?

Сладкий аромат яблока защекотал нос, глаза Цзи Иньланя загорелись, но, приняв тарелку, он долго колебался, а затем передал её Су Чи, который полулежал на больничной койке.

— Ланьлань не хочет, пусть съест братик Чичи.

Голос малыша звучал мягко и нежно, а вот лицо Цзи Шианя помрачнело еще сильнее. Ну конечно. Даже едой готов поделиться с этим другим противным братиком. Похоже, Лань-цзай действительно переключил свое внимание, и его статус номер один в сердце малыша под угрозой, у-у-у!

Су Чи взял яблоко и остро почувствовал на себе чей-то взгляд. Встретившись глазами с Цзи Шианем, он увидел в глубине его глаз густую обиду.

Су Чи: «...»

Он опустил взгляд, откусил кусочек яблока, а затем нарочно поднял глаза на Цзи Шианя, задержав взгляд лишь на секунду, прежде чем снова отвести его.

Третий брат Цзи: «?» Этот наглец сейчас бросил ему вызов? Определенно, это был вызов!

Хруст яблока прозвучал очень четко. Цзи Иньлань облизнулся:

— Братик, вкусно?

— Вкусно, — ответил Су Чи и протянул кусочек яблока Цзи Иньланю. Малыш тут же схватил его зубами, и то, как он старательно жевал, делало его похожим на маленького хомячка с набитыми щеками. Получив яблоко, Цзи Иньлань пришел в полный восторг:

— Спасибо, братик Чичи!

Третий брат Цзи почувствовал еще большую обиду: «...» Черт. Яблоко ведь он чистил, а Лань-цзай благодарит этого другого противного братика!

Су Чи был болен не сильно, поэтому после полудня наблюдения в больнице его выписали. Перед уходом врач наставлял Цзи Шианя, говоря, что у маленького Су Чи слабый желудок, поэтому нужно следить, чтобы он хорошо питался, и всё в таком духе. Тон врача был слегка укоризненным, отчего Цзи Шиань чувствовал себя неловко, и, едва выйдя из больницы, он метнул в Су Чи сердитый взгляд. Он ему не родитель, почему же, если этот сорванец плохо ест, виноват он?!

Третий брат Цзи был полон негодования, но, заметив, что Цзи Иньлань, словно маленький пластырь, приклеился к Су Чи, его горечь внезапно сменилась ревностью.

За ними приехали родители Цзи. Су Ицзэ очень переживал за маленького Су Чи. Хотя у него и были натянутые отношения с младшим братом, он не хотел впутывать невинного ребенка в дела взрослых, тем более что положение Су Чи вызвало бы сочувствие даже у незнакомца. Цзи Учжоу, разузнав об отношении Су Ицзэ, взял это дело на себя. Так Су Ицзэ не нужно было показываться, и он мог не беспокоиться.

Маленький Су Чи вернулся домой с семьей Цзи, чувствуя себя немного скованно. Он, конечно, узнал в Цзи Учжоу знаменитого маршала Федерации, и когда услышал вопрос, не хочет ли он стать приемным сыном семьи Цзи, то от удивления лишился дара речи. Су Чи не знал о прошлых отношениях между своим отцом и Су Ицзэ, поэтому, поразмыслив, связал доброту семьи маршала к себе с Цзи Иньланем. Должно быть, такое внимание семьи Цзи к нему неразрывно связано с Иньланем.

Сам же Цзи Учжоу не заходил так далеко. Мысль об усыновлении пришла ему в голову скорее потому, что в доме уже были приемные старший, средний и младший сыновья, и еще один, четвертый, ничего бы не изменил. Цзи Цюянь же думала больше о другом: она понимала, что муж скучает по старым временам, и знала, что Лань-цзай будет только рад новому другу. Но, заметив колебания Су Чи, она мягко сказала:

— Отказ — это тоже нормально, не чувствуй себя обязанным.

И Су Чи действительно отказался. Маленький Су Чи был не по годам рассудителен. Отец и мать Цзи не собирались принуждать его, да и его отказ был ими ожидаем. Тогда Цзи Цюянь, приняв его решение, предложила другой вариант: стать для Су Чи временной принимающей семьей. В отличие от полноценного усыновления, это было похоже на устройство ребенка в гостевую семью — без юридических обязательств и смены документов, что избавляло от лишней волокиты, но давало ребенку необходимую опору.

На этот раз Су Чи немного подумал и не отказался. Цзи Учжоу и Цзи Цюянь переглянулись с улыбкой и, присев, по очереди обняли маленького Су Чи:

— Добро пожаловать.

Цзи Иньлань, который всё это время подглядывал из-за двери, тут же подбежал и крепко обнял Су Чи:

— Добро пожаловать, братик Чичи! Ланьлань больше всего любит братика Чичи!

У Су Чи защипало в глазах, он чуть не расплакался. Больше всего любит, братик Чичи.

Цзи Шиань помрачнел, но, увидев счастливое лицо Цзи Иньланя, смягчился. Он беспомощно вздохнул про себя и тоже подошел, чтобы взлохматить волосы маленького Су Чи. Ладно. В конце концов, это всего лишь ребенок, он, альфа, выше этого и не будет спорить с малышом.

*

Вопрос с маленьким Су Чи был решен. Семья Цзи освободила комнату, и вещи Су Чи перевезли. Увидев, как мало у него имущества, Цзи Цюянь снова почувствовала укол жалости.

Цзи Иньлань прибежал в свою комнату и вскоре вернулся, обнимая куклу в два раза больше себя самого. Покачиваясь и спотыкаясь на каждом шагу, он с трудом добрался до цели.

— Дарю братику Чичи, — Цзи Иньлань тяжело дышал, его пухлые щечки покраснелись от усилий. — Братик Чичи будет спать с этим медведем, это очень удобно!

Цзи Цюянь прикрыла рот рукой, улыбаясь:

— Это же самая любимая кукла Лань-цзя.

Су Чи, который хотел было отказаться, замер и бережно обнял медведя, который был больше него самого:

— Спасибо.

Малыш ответил ему такой сияющей, немного по-детски глупой улыбкой.

Су Чи переехал в дом семьи Цзи, а его прежняя квартира осталась пустовать. Это была недвижимость, оставшаяся от родителей, и он не хотел её продавать или сдавать, поэтому решил пока оставить как есть.

Когда комнату обустроили, Цзи Иньлань вдруг вспомнил, что уже давно не видел ту красивую тетю, которая умела проходить сквозь стены. Не найдя её, он пошел к третьему брату Цзи, который лучше всех ладил со звездами на земле.

Цзи Шиань был полон обиды:

— Спасибо, что вспомнил обо мне.

Только первый день прошел, а его маленький хвостик уже переметнулся к кому-то другому. А когда он уедет по делам и вернется спустя долгое время, его хвостик... о нет, тогда у него, возможно, уже и не будет никакого хвостика. Третий брат Цзи чувствовал, что вот-вот закипит от ревности.

Цзи Иньлань не расслышал, что сказал брат:

— Крабик? Ланьлань тоже хочет!

Цзи Шиань вздохнул, подхватил малыша и принялся нещадно его тискать, только так немного уняв свою досаду.

— Красивая тетя, говоришь... — Цзи Шиань задумался. — Лань-цзай, мне нужен волос Су Чи.

— Волос братика Чичи? — Цзи Иньлань выпятил грудь. — Предоставь это Ланьланю!

Су Чи как раз разбирал свои личные вещи. Их было немного, поэтому он справился быстро, но, перебирая их, он наткнулся на старые фотографии, оставленные мамой, и, предавшись воспоминаниям, замедлился. Когда Цзи Иньлань постучал и вошел, Су Чи как раз рассматривал совместное фото с Лю Юнь.

Это была та же самая фотография, но чувства от неё были совсем другими. С мягкой улыбкой Су Чи поставил фото на прикроватную тумбочку.

Цзи Иньлань подпрыгнул, увидев снимок, и воскликнул:

— Это красивая тетя!

Су Чи отложил вещи и сказал:

— Это моя мама.

— Ланьлань знает, — Цзи Иньлань закивал, спрятав ручки за спину, и с надеждой спросил: — Братик Чичи, можно с Ланьланем поменяться?

— Поменяться чем? — спросил Су Чи.

Малыш немного застенялся, протянул руку и разжал кулачок. В его пухлой ладошке лежал маленький пучок коротких, слегка выющихся каштановых волос.

Су Чи опешил:

— Волосы?

Цзи Иньлань с ожиданием кивнул:

— Ланьлань даст свои волосы братику Чичи, а братик даст Ланьланю немного своих?

Су Чи окинул взглядом голову малыша и не удержался — протянул руку и погладил его по макушке. Он помолчал секунду, пригладил торчащую прядку на лбу Цзи Иньланя, и в его голосе послышалась странная дрожь, словно он сдерживал смех:

— Сколько тебе нужно, Ланьлань?

Цзи Иньлань выставил короткий пухлый пальчик:

— Одной штучки хватит!

— Хорошо.

Су Чи тут же выдернул волосок и протянул его Цзи Иньланю. Тот радостно принял его, а взамен вложил в руку Су Чи свои каштановые кудряшки:

— Братик Чичи, обязательно сохрани их.

— Хорошо, — ответил Су Чи. На глазах у Цзи Иньланя он достал маленькую коробочку и убрал туда волосы. Цзи Иньлань узнал эту коробочку — это была та самая прозрачная упаковка, в которой он приносил Су Чи печенье. Малыш подумал: раз он не выбросил коробочку, даже когда печенье закончилось, значит, братику Чичи очень понравилось его угощение.

Когда маленькая фигурка исчезла за дверью, Су Чи наконец не выдержал и рассмеялся в голос.

Получив волос Су Чи, Цзи Иньлань вернулся к Цзи Шианю.

— Братик Анбань, Ланьлань достал волосок! — Цзи Иньлань был невероятно горд собой и задрал голову, ожидая похвалы.

Третий брат Цзи как раз изучал устройство системы и, услышав это, сказал:

— Ланьлань молодец!

Он отложил маленького робота и взял из рук Цзи Иньланя черный короткий волосок, но, взглянув на макушку малыша, внезапно замер.

Цзи Шиань:

— ...Лань-цзай.

Малыш распахнул свои оленьи глазки и мило склонил голову:

— Что случилось?

— Ты... ты... ты... — Третий брат Цзи пришел в ужас. — Лань-цзай, почему ты лысый?!!

<http://bllate.org/book/22105/2300628>